наглядно демонстрирует преимущества диалога власти, предпринимателей и населения.

Роль государства в разработке и реализации политики в отношении моногородов нужно менять. Политика должна вырабатываться совместными усилиями бизнеса, функционирующего на территории поселения, региональных органов власти и органов местного самоуправления, желательно при участии местного населения – в противовес стандартной для России процедуре разработки национальных проектов, федеральных и региональных программ органами государственной власти, а также научными и проектными организациями по заказу соответствующих министерств и ведомств. Уровень же и объем помощи градообразующим предприятиям в монопоселениях должен определяться национальными интересами России. Огромная территория страны, различная степень освоенности регионов, их экономических возможностей определяют своеобразие социальной политики в каждом из них. Необходимы сочетание унификации и дифференциации в законодательстве, оптимизация системы оценок вклада частных бизнес-структур в развитие территорий [8].

При выполнении этих условий перспективы вывода экономики моногородов из кризиса, переориентации тренда в развитии таких населенных пунктов в инновационное русло становятся более реалистичными.

**Литература**


1. *Goldstein B.D.; Fischhoff B.* Ensuring Environmental Health in Post Industrial Cities // Roundtable on Environmental Health Sciences, Research, and Medicine (Con–tributor). Washington, DC, USA: National Academic Press. 2003.
2. America's Most Miserable Cities. The Forbes, 30.01.2008 URL: http://www.forbes.com/2008/01/29/detroit-stockton-flint-biz-cz_kb_0130miserable. html
3. Критерии отнесения населенных пунктов к категории монопрофильных // Официальный сайт Минрегиона России. URL: www.minregion.ru/OpenFile.ashx/krit.doc?AttachID=2891
4. Тольятти станет пилотным проектом развития моногородов: статья от 13.11.2009 // Сайт РГРК «Голос России». URL: http://rus.ruvr.ru/2009/11/13/2233839.html
5. *Максименко О.* Интервью с М.В. Мамутой в журнале «Финанс» от 02.06.2010. URL: http://www.finansmag.ru/faces/270
6. Доклад министра регионального развития Виктора Басаргина на Международной конференции «Современные механизмы развития моногородов» (российский и зарубежный опыт) 5 июля 2011 г. URL: http://www.minregion.ru/press_office/terms/1449.html
7. *Николаева Д.* Моногорода лишатся населения на особых условиях // Коммерсантъ. № 101 (4401). 2010. 08 июня.
8. *Ишимов В., Капицын В.* Акторы устойчивого развития крупного монопрофильного города // Государственная служба. 2011. № 5. С. 31-35.


# УПРАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫМИ ПРОЦЕССАМИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ


**Лилия МУЛЛАГАЛИЕВА**

**кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы**


Попытки регулирования языковых процессов предпринимались с давних времен. Еще античные и восточные философы обосновывали пространство языка как область принятия управленческих решений. Однако вплоть до XIX в. не были понятны механизмы и закономерности функционирования и развития данной сферы. Это связано с линейностью понимания самого языкового пространства исключительно как устойчивого ареала распространения того или иного языка, закрепленного на определенной территории. В рамках современного системного понимания язык рассматривается в качестве подвижной и развивающейся мозаичности, единства общечеловеческого, состоящего из противоречий индивидуального и надиндивидуального. По этой причине пространство языка является очень сложной областью для управления. Еще К. Маркс писал, что контроль над данной областью является одной из перспективных задач для человечества: «Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода (язык. – *Л.М.*)» [1]. Попытаемся разобраться в принципах и методах, с помощью которых современное государство управляет языком и мозаичным языковым пространством.

Государство регулирует языковое бытие с помощью законодательства, определяющего статус, сферу применения языков, их функции; реформирует письменность и систему правописания; определяет объем изучения государственного и иностранного языков в системе образования и т. д. Вмешательство государства в бытие языка может способствовать как восходящему, так и его нисходящему развитию.

Бытие русского языка на протяжении XX в. было предметом постоянного субъективного вмешательства со стороны государства и общества. С 11(24) мая 1917 г. реализуется реформа русского языка в виде «Постановлений совещаний по вопросу об упрощении русского правописания». Унификация написания элементов языка под влиянием реформ знаковой информационной системы способствовала не только количественному сокращению единиц языка, но и качественно повлияла на онтологию языка. Так, унификация написания префикса «без-» перед глухими согласными до «бес-» стала причиной появления двусмысленности («бесполезный» – «бес пользу приносящий»). Утрата прозрачной внутренней формы слова, объективирующей смысл номинативной единицы, и замена на механистическое единообразие привела к выхолащиванию реального содержания (ср. также «без славный» → «бес славный», «безсловесный» → «бес говорящий»). Слово перестает отражать сущность предмета («безславный» – т. е. без славы), разрывается связь между понятием и его знаком – словом.

Тотальность монолога, императив единомыслия предопределили снятие существовавших до Октябрьской революции в онтологии языка знаков прежнего общественного бытия: забвение имен субъектов политического бытия и, шире, табуирование, замалчивание истории. После событий 1917 г. названия городов, связанные с именами царственных особ, были вытеснены именами деятелей революционного движения (Екатеринбург – Свердловск, Екатеринодар – Краснодар, Николаевск – Пугачев). Новое пролетар-

ское государство осознавало, что, сняв названия городов, напоминающих о царском режиме, можно предать забвению историческую память о движении общественного бытия России до революции и, укоренив в географическом пространстве русского языка свои имена, окончательно закрепить новый порядок.

Движение политического бытия Советского Союза, массовые репрессии среди высшего руководства в 1920-1930-е гг. отразились в переименовании городов, названных в советское время именами партийных и государственных деятелей. Получили другие наименования Троцк в Поволжье (Чапаевск), Ставрополь (Ворошиловск), Уссурийск (Ворошилов), Пермь (Молотов) и др. Стирание исторической памяти о деятелях, скомпрометировавших себя в глазах партийного руководства, было важнейшей задачей по сохранению идеологии.

Большевики в 1920-1930-е гг. инициировали смену кириллицы на латиницу. Поскольку письменность определяет духовную жизнь и философию народа, его культуру, то смена письменности позволила бы предать забвению общественное бытие прошлого политического режима.

В.И. Ленин уже в начале XX в. осознавал, что количественное и качественное превосходство английского на основе латиницы является основанием его безусловного мирового господства, основанного на объективных экономических факторах. Существуют свидетельства С.А. Агамалы-Оглы [2] и А.В. Луначарского о том, что В.И. Ленин понимал латинизацию в качестве важного аспекта революционных преобразований: «Русский язык перейдет на латиницу, когда мы окрепнем» [3]. Рассматривая язык в качестве надстройки над экономическим базисом, мыслитель предполагал необходимым его изменения. Первым этапом на пути смены языкового бытия была реформа орфографии и графики.

Дальнейшее реформирование языкового бытия было поручено наркому просвещения А.В. Луначарскому, который исходил из того, что революционная трансформация социально-экономической и политической онтологии невозможна без введения латинской графики. Кириллица, по выражению Е.Д. Поливанова, ассоциировалась с эпохой «русского колонизаторства» [4], поэтому для нужд мировой революции подходила только латиница, которая объединила бы пролетариев Запада и Востока, а в дальнейшем и всех стран. Иными словами, А.В. Луначарский и его последователи связывали построение мировой социалистической системы с созданием международного (единого) языка как универсального средства взаимопонимания между всеми освобожденными революцией народами на основе латинского алфавита, в то время как бытие русского языка на кириллице, согласно их воззрениям, препятствовало этому процессу.

Латинизация русского языка аргументировалась в связи с ожидавшейся мировой революцией, после которой во всем мире должен был быть введен единый алфавит, а затем и единый язык. Подкомиссия по латинизации русского языка в 20-е гг. XX в. на основе разработанной Н.Ф. Яковлевым «математической формулы построения алфавита» создала около семидесяти новых алфавитов и работала над их внедрением. После перехода большинства языков СССР на латиницу Н.Ф. Яковлев резюмировал: «Территория русского алфавита представляет собою в настоящее время род клина, забитого между странами… На этапе строительства социализма существование в СССР кириллицы представляет безусловный анахронизм – род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза от революционного Востока и от трудовых масс и пролетариата Запада» [5].

Бытие русского языка на основе кириллицы рассматривалось в качестве пережитка буржуазной системы. Идеологи реформы полагали, что введение латинского алфавита сыграло бы огромную роль в успехах революционного изменения материальной и социальной онтологии. Кроме того, введение латиницы способствовало бы экономии, т. е. изменением графики большевики хотели трансформировать экономическое бытие общества.

Процесс снятия кириллицы латиницей прекратился так же революционно, как и начался. 26 января 1930 г. было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) за подписью И.В. Сталина, где одной фразой «Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита» [6] – все работы по трансформации русского языка и его графики были прекращены.

Трактовка становления языка И.В. Сталиным отличалась от взглядов В.И. Ленина. По его выражению, «…язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. На протяжении последних 30 лет в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису. Были, следовательно, заменены старые политические, правовые и иные учреждения новыми, социалистическими. Но, несмотря на это, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота» [7]. Иными словами, И.В. Сталин отрицал классовое многообразие языкового бытия, а также единство материального и языкового бытия. Русский язык не противоречит социалистическому строительству, общество и язык существуют параллельно – такова была новая формула.

Управление языковыми процессами в 1940-1950 гг. согласовывалось с изменениями во внешней и внутренней политике СССР. После начала войны в онтологии языка были сняты названия, сконструированные по немецкому образцу: Петергоф стал Петродворцом, Шлиссельбург – Петрокрепостью. При этом наименование Кронштадт, прочно связанное с революционным прошлым, было оставлено.

Устранение имени Сталина в пространстве Советского Союза и странах соцлагеря было результатом развенчания вождя как предмета светского религиозного культа (вынос тела из Мавзолея, демонтаж памятников Сталину, переименование городов, пересмотр догм и т. д.).

Движение нашей страны в эпоху марксизма-ленинизма замыкалось границей территории, «железным занавесом» как символом политики самоизоляции советского правительства, направленной на прекращение экономических, культурных, научных контактов с Западом. Снятие движения за пределы страны было скомпенсировано движением внутри государства: начиная с 1950-х гг. в Советском Союзе развернулись масштабные стройки (БАМ), экономические проекты по освоению целины и т. д. Направление населения в точки строительства творчески активно отразилось в общественном сознании и языке. Лозунг В. И. Ленина, подхваченный Н.С. Хрущевым на XXI съезде Коммунистической партии, «догнать передовые страны и перегнать» [8] стал новым мотивом политической пропаганды.

Освоение космоса и ядерной энергии как прогрессивное развитие материального и общественного бытия СССР детерминировало восходящее развитие русского языка: он пополнился словами, несущими новые идеи и открытия. Государство попрежнему активно вмешивалось в бытие языка. Так, по решению правительственной комиссии с ноября 1960 г. во всех официальных документах «пилот-астронавт» (понятие «астронавт» английского происхождения) было заменено на «летчик-космонавт» («космонавт» образовано от греч. kosmos – «Вселенная» и naut s – «(море)плаватель»). Однако в капиталистических странах использовалось понятие «астронавт». Очевидно, что выбор того или иного понятия диктовался политикой государств, а не точностью отражения в слове сущности явления.

Таким образом, управление языковыми процессами в эпоху советского госу-

дарства носило планомерный и обдуманный характер и было продиктовано политической конъюнктурой.

В конце XX–начале XXI в. государственное управление языком можно охарактеризовать как либеральное попустительство. На фоне глобализации английского и роста значимости национальных языков в субъектах Федерации это способствует нисходящему развитию русского языка, что проявляется в сокращении его пространства, оскудении словаря.

На основе эмпирического корпоративного исследования современного русского языка мы делаем вывод, что в нем преобладает тенденция нисходящего количественного и качественного развития, которая компенсируется заимствованиями из глобального английского, который в 2006 г. насчитывал уже миллион слов [9]. Анализ причин столь удручающего состояния привел к убеждению: государственный язык одной шестой сухопутного географического пространства планеты развивается в векторе уничтожения. Правовые механизмы и процедуры его поддержания крайне не совершенны. Попытки языкового регулирования на основе принципа сохранения мозаичности языкового пространства окончательно вступили в противоречие с процессами глобализации и регионализации языкового пространства. В результате этого возник феномен неэффективности.

Государственная поддержка на различных уровнях оказывается одновременно русскому языку, иностранным языкам (на 80% английскому), региональным языкам межнационального общения, языкам коренных народов и титульных наций – происходит «распыление» средств и усилий.

Современная Россия никак не может избавиться от дореволюционной имперской модели интеграции по принципу «центр» и «окраина». В результате языковой процесс оказывается расколотым. Центр ориентируется на интеграцию с глобальным английским. Данному феномену способствуют международные институты. Например, Британский совет по распространению английского языка целенаправленно обучает всех желающих английскому языку.

Этот вопрос находится также в политической плоскости. Попытка прекращения деятельности британских языковых курсов, проводимых Британским советом, привела в 2007 г. к международному конфликту [10]. Международные компании выдвигают знание иностранного языка в качестве квалификационного требования, возведенного в принцип кадровой политики формирования управленческой элиты. Благодаря этому формируется достаточно значительный слой внутренних языковых эмигрантов, которые связывают свое материальное благополучие с владением английским языком.

Помимо того, в субъектах Российской Федерации сохраняется «языковой суверенитет», образовавшийся на основе личного права граждан и народов на сохранение и развитие родного языка, свободы выбора и применения языка межнационального общения. Сформирован официальный и неофициальный своеобразный языковой ценз, который отсекает «от возможности претендовать на руководство правителей «нетитульных национальностей» [11]. Попытки преодоления языкового суверенитета посредством реализации принципа административной и юридической унификации, направленной на создание единого языкового пространства на основе русского языка, признанного государственным, наталкиваются на сопротивление национальных субъектов Федерации, грозящих денонсацией федеративных договоров и договоров о разграничении полномочий.

Русский язык оказался в жесткой конкурентной среде с глобальным английским, расширяющим свое присутствие извне, и национальными языками, сокращающими пространство русского языка внутри страны. В этих условиях государственное регулирование языковых процессов является той необходимостью, без которой существование русского и национальных языков может быть поставлено под сомнение. При этом в сложившихся экономических и политических обстоятельствах любая попытка создания и упорядочения иерархии языков как встроенных языковых пространств, противостоящих интегративности русского и глобального английского, может привести к нарастанию протестных настроений.

Единственным выходом в этих условиях является, на наш взгляд, включение мозаичности национальных языков в русский язык с целью трансформации языкового разнообразия в диалектическое единство, онтологически снимающее мозаичность и пространственную локализацию. Это, безусловно, масштабный проект, предполагающий создание «новейшего российского языка» как единого языка географического пространства современной России, онтологически снимающего противопоставление русского с национальными языками. При всей своей внешней сложности и фантастичности он вполне реализуем.

Опыт глобализации показывает, что английский язык достиг увеличения количества своих единиц за счет включения элементов национальных государственных языков, что позволило ему активно расширять пространство и снимать онтологические противоречия с другими языками. Английский язык постоянно пополняется понятиями, несущими новые идеи, научно-технические открытия, изобретения, и поэтому способен адекватно отражать быстро меняющийся мир.

Создание предпосылок для превращения российского языка в мирового донора возможно лишь при условии формирования социально-экономического, политического, юридического базиса этого процесса. Управление языковыми процессами в условиях глобализации как законодательное регулирование его бытия (статуса, сфер и правил употребления, алфавита и т. д.), защита и сохранение, подкрепленное действующими на практике механизмами, в сочетании с обогащением русского языка новыми понятиями и идеями, называющими отечественные открытия, способно противодействовать унификации глобального языкового пространства и переходу русского в небытие.

**Литература**


1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. В 50 т. Т. 3. Изд. второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 427.
2. *Агамалы-Оглы С.А.* Культурная революция и новый алфавит // Культура и письменность Востока. 1928. Кн. 3. С. 3-9.
3. *Луначарский А.* Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. 1930. Кн. 6. С. 20.
4. *Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 104.
5. *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Мы могли перейти на латинское письмо. URL: http://www.ng.ru/ideas/2001-03-31/8_putin.html (дата обращения 09.08.2010).
6. О латинизации: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков): Центральный комитет от 26 янв. 1930 г. № П115/26-С // АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 52. Копия
7. *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня.
8. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. В 55 т. 34 т. М.: Политическая литература, 1970. С. 198.
9. В английском языке зафиксировано миллионное слово // Вести. 2009. 15 июня. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=293592 (дата обращения 30.06.2010).
10. *Тараmута Ю.* Продолжается скандал вокруг закрытия Британского совета // Коммерсантъ. 2007. 14 декабря.
11. На каком языке говорить президенту? // Российские вести. 1998. 18 марта.